

«ИСТОРИЯ ХОТИНСКОЙ ВОЙНЫ»
ИОАННЕСА КАМЕНЕЦКОГО

Первые упоминания об армянах на территории Польского государства относятся к XI—XII вв. Исторические сочинения и имеющиеся архивные материалы содержат интересные сведения об армянах и армянских поселениях в Польше и Западной Украине в последующих столетиях. Польские и западноукраинские армяне создали ряд ценных памятников духовной и материальной культуры.

Армянские колонии, которые были основаны в округах Львова и Каменец-Подольска, оставили богатое литературное наследство, содержащее ценные первоисточники для изучения истории этих областей и вообще стран Восточной Европы. Вследствие участия армян в политической, культурной и экономической жизни этих стран армянские источники представляют определенный интерес и могут помочь при изучении как внутренней истории этих стран, так и политических сношений между ними.

Армянские источники, в частности, могут быть использованы при изучении польско-турецких, польско-русских, польско-украинских, русско-турецких отношений.

Одним из таких первоисточников является «История Хотинской войны», написанная армянином Иоаннесом Каменецким и посвященная событиям 1621 г.

В 1954 г. среди рукописей Государственного Матенадарана нами обнаружена копия этого произведения Иоаннеса Каменецкого, сына Тер-Акопа¹. Некоторые сведения об этом труде сообщены нами в сборнике, посвященном 300-летию воссоединения Украины с Россией и изданном Академией наук Армянской ССР в том же 1954 г.²

Рукопись Государственного Матенадарана № 2644 содержит ряд литературных и исторических сочинений, которые были собраны Тадеосом Михрдатьянцем в Константинополе в 1840—50-х гг. Часть из них была переписана Рубеном Багдасаряном, учеником училища Саакян, находившимся в Псаматии, предместье Константинополя. Другую часть переписал сам Тадеос Михрдатьянц, последнюю же часть рукописи — неизвестный переписчик.

Дошедшая до нас копия сочинения Иоаннеса Каменецкого выполнена не с автографа, а, как это явствует из памятных записей переписчиков, представляет собой по крайней мере третий список.

«История Хотинской войны» написана на классическом древнеармянском языке — грабаре. Хотя некоторые места искажены последующими переписчиками и переработаны Саргисом Дпиром в 1791 г., тем не менее сочинение Иоаннеса отличается плавным слогом, равно как и систематичностью изложения. Труд состоит из предисловия и 18 глав. В конце работы сохранились памятные записи — приписки автора. В своем сочинении Иоаннес подробно изложил события Хотинской войны с начала военных действий до перемирия и ухода неприятельского войска. Последняя глава посвящена убийству Османа II, которое произошло в Константинополе в 1622 г.

¹ Государственный Матенадаран, собр. арм. рук. № 2644, лл. 229—254.

² А. С. Анасян, Отголоски битв при Хотине (1621 г.) в армянских источниках, см. «Великая дружба, сборник, посвященный 300-летию воссоединения Украины с Россией», Изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1954, стр. 225—238.

Иоаннес Каменецкий использовал достоверные источники, о которых он говорит в предисловии своего труда. Сообщив, что за сочинение своего труда он взялся по настоятельному повелению своего отца Тер-Акопа, он пишет: «После поисков я нашел сочинение почтенного мужа, который, будучи очевидцем всех [этих событий], последовательно и подобающим образом, на чужом языке кратко изложил историю соответственно происходившему» (русс. пер., стр. 263). Сравнение показывает, что упоминаемая Иоаннесом «краткая история» не что иное, как хроника, составленная армянином Авксентом Каменецким на одном из диалектов кипчакской группы языков и написанная армянскими буквами. Авксент изложил события по дням, со всей подробностью, о чем будет сказано ниже. Иоаннес широко пользовался этой хроникой и часто воспроизводил ее дословно. Другие источники, о которых Иоаннес пишет: «Моему замыслу послужили также данные, которые исходят от многих лиц, поведавших об этих славных делах» (русс. пер., стр. 263), — нам неизвестны. О многом Иоаннес пишет на основании личных наблюдений, о чем он говорит в своей «Истории» (русс. пер., стр. 263). Так, рассказывая о прибытии во Львов польского войска, автор добавляет: «И я, ничтожный Иоаннес, будучи там, явился очевидцем подобной славы» (русс. пер., стр. 268). Итак, «приведя в соответствие сочинения чужих племен» (русс. пер., стр. 263) и на основе личных наблюдений, Иоаннес Каменецкий создал столь ценное произведение, как «История Хотинской войны».

Историческое сочинение Иоаннеса Каменецкого посвящено польско-турецкой войне 1621 г., решающие битвы которой имели место под городом и крепостью Хотин.

Город Хотин расположен на территории нынешней Украинской ССР, в Черниговской области, к юго-западу от Каменец-Подольска, на правом берегу Дуная. В интересующее нас время Хотин находился на территории Молдавского воеводства, Молдавия же подчинялась Османской империи.

К слову сказать, в Хотине, как и в Каменце, в это время существовала армянская колония, древнейшее упоминание о которой восходит к 1418 г., когда Александр Челубун в семи молдавских городах приютил тысячи армянских семейств.

Во время польско-турецких войн Хотин играл весьма крупную роль в качестве важного стратегического пункта.

Для того чтобы оценить значение Хотинской войны и соответственно сочинение Иоаннеса Каменецкого, следует вспомнить современную событиям историческую обстановку.

Политическая атмосфера в этой части Восточной Европы была весьма тревожна. Отношения между Польшей и Турцией, в особенности в 1610-х гг., были очень напряжены. Турция стремилась выйти за пределы Молдавии и, опираясь на татарскую помощь, наступать на Польшу.

Если не учитывать постоянных польско-татарских стычек, которые происходили на польско-молдавской границе, четырехдневное сражение у Цецоры в 1620 г. было первым открытым проявлением турецкой агрессии и явилось прологом Хотинской войны 1621 г. Оценка политической обстановки будет неполной, если Хотинскую битву рассматривать отдельно от Цецорского сражения.

Турецкие планы проникновения на территорию по ту сторону Днестра, на север, зависели от успехов в этих двух войнах. На юге, в долинах Днестра и Прута, была расположена Молдавия, которая платила турецким султанам дань и являлась плацдармом турок во время их нападений на подвластные Польше области. Польша стремилась подчинить себе Молдавию и воспрепятствовать тому, чтобы неизбежные военные столкновения с турками происходили на польской территории. Именно поэтому битвы 1620—1621 гг. происходили на территории Молдавского воеводства.

В «Хронике» Авксента Каменецкого повествуется и о Цецорской и о Хотинской битвах.

«Хроника» Авксента Каменецкого, сына Тер-Григора, является частью известной «Каменецкой летописи»¹. Хроника охватывает «важнейшие события 1611—1624 гг. Автор фиксирует многочисленные факты, связанные с событиями не только местного значения, но и политической обстановкой, дипломатическими сношениями, военными действиями, татарскими набегами, внутренней жизнью соседних стран, в особенности Молдавии, отношениями с Молдавией и пр.

Будучи представителем правящей верхушки армянской колонии в Каменце, автор пользовался доверием польских властей. Он был свидетелем и участником ряда событий в качестве доверенного лица и переводчика. Так, например, он повествует, что 24 (по старому стилю 14) августа 1613 г. пан Адам Гурский Посендек Каменецкий был отправлен польским правительством в качестве посла к турецкому султану. К этому посольству присоединился и Авксент, который выполнял обязанности переводчика и эконома (шафара)². В 1620 г. в январе в Каменец по пути в Варшаву прибывают послы турецкого султана и татарского хана. К этому посольству приставляют Авксента, чтобы он, как драгоман и смотритель, представил послов польскому королю³. Авксент Каменецкий был очевидцем также Хотинской войны. Так, описывая бои, которые происходили 15 сентября 1621 г., он пишет: «Это описание достоверно, ибо я, Авксент, пишущий это, был там и наблюдал своими глазами. То же, чего я не видел, я описываю на основании собранных точных сведений»⁴.

Излагая события битвы при Цецоре, Авксент повествует о дипломатических сношениях, предшествовавших военным действиям. Как было сказано выше, в это время в Польшу прибыли турецко-татарские послы, которых Авксент сопровождал до Варшавы. Одновременно и польские послы направляются к султану и татарскому хану. Мы узнаем, что польский посол Отвиновский был встречен в Константинополе враждебно. «Паши держали его вдали, — рассказывает Авксент, — и не позволяли видаться с султаном»⁵. А посла Олежко, отправившегося к татарам, они заключили под стражу, «так же, как в Польше лишили свободы татарского посла»⁶. Эти факты показывают, сколь напряжены были отношения между поляками и турками.

Непосредственным же поводом для начала военных действий послужили события в Молдавии. Турецкое иго тяжело ложилось на молдаван и они пытались использовать враждебные отношения между турками и поляками. Воспользовавшись этим, связанный с польскими властями Гаспар Грациани занял по отношению к султану «предательскую» позицию. Авксент повествует, что в конце августа 1620 г. молдавский князь приказал заковать в кандалы турецких послов и перебить находившихся в его армии турок. Турок перебили также в молдавской столице Яссах⁷. После этого, 17 сентября, произошла Цецорская битва, в результате которой польские войска потерпели тяжелое поражение. Во время отступления, которое продолжалось с 30 сентября по 6 октября, потери поляков умножились, польский «табор» совершенно распался⁸.

Туркам Цецорская битва принесла полную победу. Воодушевленные этим, они в следующем году начали Хотинскую войну, закончившуюся полным поражением турецкого войска.

¹ «Каменецкая летопись» включает в себя несколько различных хроник и охватывает промежуток между 1143—1652 гг. Опубликована Г. Алипаном в книге «Каменец. Армянская летопись Польши и Румынии», Венеция, 1896, стр. 15—112, на арм. яз. Труд Авксента занимает стр. 68—110. Для первых двух-трех лет Авксент использовал рукописные материалы своего брата Тер-Григора. См. также стр. 69—91.

² «Каменецкая летопись», стр. 75.

³ Там же, стр. 84.

⁴ Там же, стр. 99.

⁵ Там же, стр. 85.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 86.

⁸ Там же, стр. 86—88. См. также некоторые польские документы: E. de Hurmuzaki, «Documente privitoare la istoria Romanilor», suppl. II, vol. II, Bucuresti, 1895, pp. 474—480, 482—488, 490—509 (doc. CCXXVI, CCXXVII, CCXXIX, CCXXXI).

Согласно Авксенту Каменецкому, объединенные силы турок и татар, в количестве 460 000 человек, подошли к Хотину 26 и 27 августа 1621 г.; среди них было 210 000 татар¹. Поляков же, которые начали двигаться к Хотину с 20 августа, было 45 000 человек; 25 августа к ним присоединились 45 000 казаков².

Хотя между казаками и польским правительством не было полного согласия, тем не менее войны Польши против турок и крымских татар украинцы воспринимали как благоприятный предлог высказать свое отношение к южному противнику и почти всегда принимали в них участие, стремясь воспрепятствовать тому, чтобы турецко-татарские захватчики вторглись в области севернее Днестра. Таким образом, и Запорожская Сечь, вместе с польскими войсками, также приняла участие в этой войне.

Военные действия начались 28 августа и продолжались до 21 сентября.

На ходе военных действий мы не останавливаемся. Подробное освещение событий мы находим в «Истории Хотинской войны» Иоаннеса Каменецкого — ценном историческом первоисточнике, который, бесспорно, сообщит новые данные для изучения истории Хотинской войны 1621 г. и дополнит сведения, которые мы находим в польских и иных источниках.

*

Настоящий перевод «Истории Хотинской войны» Иоаннеса Каменецкого выполнен К. Н. Юзбашяном с подготовленного нами к изданию критического текста, который в ближайшее время увидит свет в серии памятников, издаваемых Государственным Матенадараном; публикация будет иметь подробное предисловие и развернутый историко-филологический комментарий. Памятные записи Иоаннеса Каменецкого, равно как и последующих переписчиков, в переводе опущены. Историческая часть текста приводится полностью. Собственные имена в основном транскрибированы в соответствии с закономерностями, характерными для русского языка. Выдержки из Ветхого и Нового завета приводятся по последнему изданию русского перевода Библии (Москва, 1956).

А. С. АНАСЯН

¹ «Каменецкая летопись», стр. 94—95.

² Там же, стр. 93—94.

ИСТОРИЯ ХОТИНСКОЙ ВОЙНЫ, ПРОИСХОДИВШЕЙ ВО
ВРЕМЕНА ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА ОСМАНА, КОГДА
АРМЯНСКИМ КАТОЛИКОСОМ В СВЯТОМ ЭЧМИАДЗИНЕ БЫЛ
МЕЛХИСЕДЕК

Предисловие к истории Хотинской войны, которая велась во времена
благочестивого и боговенчанного короля илахов, то есть поляков,
Зикмунда Третьего, и была начата нечестивым и своевольным султаном
турецким по имени Осман Младший. Изложено неким неразумным и
отсталым Иоаннесом по просьбе отца его, благолюбивого дьякона
Тер-Акопа, во славу братьев-единоверцев

Искусство повествования складывается из трех качеств—умения по-
знавать мыслью, видеть глазами и слышать ушами.

Итак, о почтенный отец, наиболее значительное из трех указанных
[качеств] — познание, ибо познающая душа предсказывает подобно
пророку. [Пророки же] отнюдь не нуждались в писаниях, но обладали
святым духом, наделенным понятливостью, который запечатлевал в их
сердце любую мысль, так что устным словом и на различных языках,
которым они ни у кого не учились, они повествовали о сущем и несущем.
И Павел соответственно пишет, что «он поставил одних апостолами,
других пророками, иных Евангелистами» (Ефес. 4, 11), но не все
удостоились этой благодати; или, как он повторяет в последующих сло-
вах, не все будут пророками и толковниками, но лишь наделенные слы-
ше, почему и божье следовало приложить к божьему во славу его.

Второе же и третье [качества] не столь совершенны, они мельче,
чем первое. Но тот же самый дух делит многочисленные дары между
всеми; многие из наших предков, вооружившись им, отдались различ-
ным призваниям, соответственно полученному от господ, как свидетель-
ствует апостол: «Одному дается Духом слово мудрости; другому слово
знания, тем же Духом» (I Коринф. 12, 8). Одни пожелали добродетели,
другие отдались философии, многие познакомились с грамматикой и об-
ращением звезд, часть же взялась за летописи и исторические сочи-
ния, так что и поныне отдается этому призванию. [Исторические зна-
ния] становятся возможными благодаря длительному труду и взаимной
помощи, ибо тленное тело давит на мысль, [отягощенную] многими за-
ботами, и мы с трудом различаем то, что благодаря третьему качеству*
находится у наших ног.

Я же не только лишен лучших и великих способностей, но мысль
моего истрадавшегося естества не насыщается даже наиболее скудными
и общеизвестными [знаниями]. Но твое, Тер-Акоп, постоянное жела-
ние, настоятельное повеление и страх перед тобой — воспитателем —
обратили меня к добродетели и заставили, путем перевода с чужого
языка на наш, описать боевые победы польского короля. Ты заставил

* Речь идет, очевидно, об умении «слышать ушами», о чем говорится в самом
начале.

предать забвению мирские занятия, которые с давних пор внушают мне отвращение своими соблазнительными иллюзиями, и покорный труд, таким образом, я предпочел смиренному молчанию.

После поисков я нашел сочинение почтенного мужа, который, будучи очевидцем всех [этих событий], последовательно и подобающим образом, на чужом языке кратко изложил историю соответственно происходившему¹. Моему замыслу послужили также данные, которые исходят от многих лиц, поведавших об этих славных делах, известных немного и мне.

Итак, презрев умственную немощь, мы попытаемся представить и изложить задуманное, уповав на Иисуса, чтобы место и время позволили завершить эту ничтожную книгу, облегчено было начало малодушного согласия [взвалить на себя] это бремя и [представилась возможность] неуклонно идти по пути истины, приведя в соответствие сочинения чужих племен, хоть и нелегко будет собрать воедино мое бесполезное творение.

У меня нет желания выявить собственную смелость и пышность [слога] или добиться чьего-либо одобрения, но я стремлюсь превзойти использованные сочинения, как и обещано было ранее. И в ответ на твое почетное повеление я молчаливо и с сыновней покорностью принимаю твое пожелание и буду писать в соответствии со строгим заветом: без промедления, начну с того места, откуда начать положено.

ГЛАВА I

О тирании народа исмаильского и о намерениях султана Османа напасть, пренебрегая данной клятвой, на страну илахов

Итак, варварское племя сарацин, после того, как Сара изгнала служанку свою Агарь, рассеялось повсюду, захватывая все направо и налево, согласно сказанному в писании, и подчинило себе значительную часть вселенной и многочисленные народы, превратив их в данников.

[Сарацины заняли] Великую и Малую [страну] Араратскую, древний Вавилон и передний Египет, Дамаск и Палестину, Грузию и Албанию² и многие другие страны, и [эти деяния] ослабляют ныне дух мой. И, в особенности, [покорили] целиком государство греков, [преодоле-ли] великую смелость непобедимых цезарей византийских, совершенно уничтожили надежду христианских народов на усиление, опоганили души, обратив их в гибельную веру беснующегося обманщика Магомета, одних — предательскими обещаниями, других — различными угрозами, почему и осуществилось в отношении нас предсказание пророка, оплакивающего Израиль: «Наследники пришли в наследие Твое; осквернили святой храм Твой» (Псал. 78, 1) и так далее.

Но к чему мне тянуть повествование о многих изложенных событиях? Полагаю, что у всех имеются совершенные описания, сделанные предками, которые донесли до нас правдивую [картину прошлого] и лишь [описание] настоящего вменили нам в обязанность. Потому-то мне, ничтожному, пришлось коротко рассказать о настоящем. Я опишу не добродетель язычников, но [подвиги] отцов, уверовавших в свое могущество, и поражение могучих, ибо злонаправное племя исмаильское продолжает грабить мир и, покорив вселенную, подобно дикому зверю и с дерзкой ненасытностью, постоянно огрызается.

Один из них стал девятнадцатым султаном в столице Константинополе. Был он коварен и заносчив, малолетний и небольшого роста. Предшественники провозгласили султаном его — Османа, сына Ахмеда, вну-

ка Магомета. Таким образом, исполнилось предсказанное в песнях мудреца, оплакивающего город с царем-младенцем.

Много горя и бедствий познал из-за него мир, ибо [несчастья] возрастали не только соответственно завещанному его предками, но и сам он, следуя их нравам и деяниям, был противником мирной жизни людей. Таким образом, «не может... дерево худое приносить плоды добрые» и «дерево познается по плоду» (Матф. 7, 18 и 12, 33).

На третьем году царствования в сердце его проснулась недобрая мысль, он стал постоянно думать о нападении на почитающую бога страну илахов, которых зовут сарматами. По происхождению они далматы, вероисповедания римского, проживают на западе, соседствуют с немцами и мадьярами, богданийцами³ и русскими, зовущимися москвитями. Это злое намерение укоренилось в бесчестной душе султана, он дерзко замыслил недостижимое и невозможное, задумал овладеть польским государством, покорить всех жителей и нарушить тем самым клятвенное соглашение о мире, которое издавна существовало между [обоими правителями].

Таким образом, завершение дела привело к гибели души его, в соответствии с сказанным неким философом: «Если кто выйдет за пределы родины, ужалят его ядовитые змеи». Если я завершу обещанное, то опишу его мученическую смерть по возвращении после войны.

Но ныне отступим [от желания] нашего повелителя и заказчика и будем излагать весьма кратко, дабы обилие событий не сковывало рассказ.

Племена агарян, которые представляются рожденными служанкой, ныне устремляются к воздушным вершинам, хотя и живут они, словно в пропасти.

Но Нерсес, духовный отец, внушил надежду нашим думам,

Что могущественные далматы отомстят магометанам⁴.

Один из этих презренных, зовущийся по примеру предков Османом, восседая на ромейском престоле, правил многими странами.

Стремящиеся ввысь мысли мучили его как демоны,

Он рвался подобно волку, чтобы овладеть чужой славой.

Зарился на наши края, [стремился] уничтожить сарматское племя,

Пока яростью, подобной реке, не направил волны в свою же душу.

И я всем сердцем стремлюсь, чтобы божественный дух — надежда праведников —

Осветил мой путь и я бы выполнил обещанное!*

ГЛАВА II

Об угрожающем послании Османа Младенца и покорном ответе короля илахов, то есть поляков

Считая от спасителя исполнился 1621 год, а по счислению, которое принято у гайканского народа — яфетидов и ведется в соответствии с пятьюстами — 1070, а от тирании арабов, прежнего Магомета и Халирда — 980⁵.

В те времена [турки] распространились по всем четырем странам [света], а вышеупомянутый Осман заносчиво и дерзко правил народами и племенами. Возгордившись благодаря подобной пышности, он стал кичливым, пожелал и от других иметь наследника, дабы всяческими способами овладеть оставшимися странами. Посему он отправляет гра-

* Первые девять строф — славословие богу — в переводе опущены.

моту к христолюбивому и славному королю илахов Зикмунду Третьему. [В этой грамоте] он с языческой яростью, вопреки закону и царским обычаям, угрожал следующим образом:

«Милостью единого бога и помощью пророка моего Осман, император всех турок, царь над царями и князь над князьями, могучий и высокий происхождением и родом, отпрыск корня первого Османа, повелитель и господин всех народов — евреев, арабов, эфиопов, македонян, армян Междуречья, киликийцев, хананеев, амореев, палестинян, халдеев и многих других. Да будет незабываемой и твердой вера мусульманская, которая явилась бессмертным стражем могилы Магомета, рассеяла и совратила христиан, сокрушила и уничтожила целые племена врагов — могучие и ужасные!

Ныне говорю я тебе, Зикмунду, королю илахов, и всем, кто под тобой, что мы узнали о вашей вражде и бесчеловечности, [направленных] против нас, и весьма разгневались. Будьте готовы, ибо я пойду на вас, и страну, в которой вы проживаете, предаю огню. Я разрушу ваши церкви, разобью пресловутый деревянный крест, на шею вашим священникам надену ярмо, сделаю их пленниками моего народа, так, как это удалось моим предкам по отношению к остальным христианам. И тогда посмотрю — как вам удастся вырваться из моих рук, если вы мне не покоритесь!»

И добавил еще много иных непотребных слов.

Узнав об этом, разумнейший король Зикмунд весьма удивился наглости этого мужа и направил ему покорный ответ, ибо, согласно поучению отцов, недобрые замыслы рассеиваются перед покорностью. И сделал это не из страха перед неверными, но потому, что был справедлив и богобоязнен и мудростью стремился сокрушить гнусный замысел гордеца, предотвратить бесконечное пролитие крови невинных людей. И ответил он следующим образом:

«О Осман, самодержавный и могущественный султан! Недостойно великих и великодушных людей писать друг другу отвратные слова. Как с высоты своего положения ты решился написать столь непотребное и наглое и тебя не достойное? Знай же — с тебя достаточно и тех многих народов, которых ты имеешь под своей властью. Остерегайся открыто выражать свое недовольство и знай, что мы не боимся твоих пустых угроз и лишь не желаем ради преходящего нарушить завещанные нам клятвы отцов наших, держим их непреклонно и поныне. Таким же образом и ты выбери достойное тебя. Если же не согласен, можешь не медлить с задуманным. Но то, что найдешь у нас, восприми без печали. Мы же более не повинны в нарушении вашего покоя. Пусть за вашу кровь отвечает ваша же голова!»*

ГЛАВА III

О том, как Осман подготовил все свое войско и подошел к реке Дунай

Когда Осман — второй Навуходоносор — прочел мудрый ответ короля илахов, он разозлился хуже прежнего, призвал к себе сановников и князей, начальников и правителей провинций, военачальников и дворцовых стражников⁶ и заявил им в ярости: «Идите и спешно подготовьте мне все вооружение, ибо я намерен пойти на непокорных жителей страны илахов и стереть с лица земли все их войско!»

* Вставка Саргиса Длира: «Здесь следовали 12 строф стихотворной истории».

Услышав это, один из советников, прозываемый муфтием, выступил вперед прежде других и сказал с великим страхом: «Здравие тебе, о величайший и непобедимый султан! Слуга твой осмеливается сказать несколько слов перед тобой, государем. Почему твое не знающее нужды величество стремится к смуте и бесполезной гибели наших и чужих людей? Неужели не достаточны покорные и служащие тебе народы и племена?» Он с мольбой произносил и другие слова. Но из сказанного этим человеком султан ничего не усвоил, с суровым видом порицал его и сказал: «Вон отсюда, сумасшедший старик, и не смей больше показываться мне на глаза! В противном случае закую тебя в кандалы и ты не вылезешь из них до самой смерти!» И тот отправился полный горечи, опороченный султаном, после чего никто не осмеливался выступить с подобным напоминанием.

Затем султан отправил своих многочисленных стражников и слуг во все концы вселенной — своей огромной страны — к отдаленным войскам своим, дабы они оповестили о следующем: «Да будет известно всем подданным, покорным моей власти, что царство мое пожелало, чтобы вы все быстро и без возражения направились в столицу Константинополь».

И в эти дни вокруг султана собрались бесчисленные толпы, не только тысячники и правители провинций, вместе с конницей, но и простолюдины, горожане и крестьяне, которые нахлынули подобно урагану или стаям птиц.

И видя, что воля его исполнилась, Осман приказал отворить казну и арсеналы и подготовить снаряжение, оружие и щиты, [приказал выделить] многих верблюдов и буйволов, чтобы нести страшное оружие — пушки и ружья, бесчисленные сокровища — золото и серебро, пищу и питье. Кто бы мог описать множество войска неверных!

И с большой армией, без страха на лице, он подошел к великой реке, которая зовется Дунай.

Я не желаю затягивать повествование, чтобы рассказать о том, какие мосты были переброшены через дороги и воды, и лишь уповаю на прекрасное знакомство [с предметом] знатоков, ибо лишние слова противны ушам.

ГЛАВА IV

О том, как польский полководец отправился в Хотин

Когда благочестивый султан Зикмунд увидел, что незаконный Осман не изменил своего поведения, но подобно гадюкам и аспидам близок к тому, чтобы своим смертоносным ядом отравить невинных, на тридцать четвертом году своего царствования (что составляет 1071 год, считая со времени первого царства Польского), он собрал многочисленных, рассеянных повсюду христиан, владетельных и именитых, начальников и правителей провинций, духовенство и мирян, повелителей и подчиненных, собрал их в царственном городе Варшаве и приказал принести письмо Османа и прочесть его во всеуслышание. Король начал успокаивающие речи, [которые нашли отклик] в сердцах князей, воодушевлял их, говоря:

«О, любезные и верные мне правители илахов! Эти события заставляют вспомнить ассирийского царя Синахериба, который некогда писал Езекии и, понося живого бога, обещал обвязать иерусалимские стены веревкой и стащить в Вавилон.

И вы, славные сыны царства и наследники родины, вспомните ныне величайшую славу деяний предков ваших, [вспомните] сколько му-

жества и смелости проявили они, сколько побед одержали над внешними и внутренними врагами, будь то крижаки⁷ или шведы, сарацины или «стрелки»⁸. Память о предках жива вечно. Так и вы, как родные их дети, следуйте их доброму пути, вооружитесь именем бога и не бойтесь толп язычников, ибо в глазах господ все они как капля в ведре или мельчайшая гирька. Ни один смертный, [даже] уповающий на могущество божье, не в силах сделать что-либо против его выбора, не говоря уж о вероломцах и преступивших заповедь божью. Господь же восстает против нечестивых и воздает покорным».

Когда многочисленные воины услышали это, подняли шум и сказали: «Здравие тебе, непобедимый король! Каждый из нас готов умереть за имя христово, ради защиты родины нашей и святой церкви. И не нуждаемся в помощи других народов или королей, пока раз или два не испытаем могущества варваров.

Итак, если будет на то твоя высокая королевская воля, мы прежде отправим нашего великого князя, гетмана Литовского, по имени Каруль Ходкевич, дабы он, придя к богданийским границам, прежде чем подойдут войска неверных турок, подготовил нам место в соответствии с военными требованиями».

Ходкевич был муж умелый, могучий словом и делом, высокого роста и приятной внешности, преисполненный мудрости и наделенный от бога. С младенчества, на протяжении пятидесяти лет, он упражнялся в мужестве в Московии и Германии, Фландрии и Венгрии. Своей смелостью он одержал многие победы и всем наносил поражения.

И поскольку и королем и всеми присутствующими это было воспринято благосклонно, ему тотчас же пожаловали звание гетмана и назначили полководцем единой страны Польской. Ему дали полк всадников — тридцать тысяч, и он без промедления прибыл в город Хотин, в стране олахов⁹, 10 июля, во вторник. Там, на берегу реки, которая зовется Нистр¹⁰, он нашел подходящее место.

И вот он с большим умением располагает войско на высокой и недоступной площадке, подобно тому, как говорится в притче господи: «копал, углубился и положил основание на камне; почему, когда случилось наводнение и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне» (Лук. 6, 48).

Войско же он расположил таким образом, что крепость Хотин стала главою лагеря, то есть «табора» или «обоза». Ходкевич со своими храбрецами обосновался в крепости и некоторое количество дней ожидал прихода своего короля и господина.

ГЛАВА V

О том, как королевич отправился к войску и о прибытии казаков

Тем временем мудрый и мужественнейший из королей христолюбивый Зикмунд был занят иными заботами, связанными [с управлением] страной и сам не мог отправиться к войску. Поэтому он отправил туда молодого и любимого сына, единственного наследника Владислава вместе с сановниками и мудрыми советниками, среди которых были преславный Казановский и храбрейший немецкий военачальник Ваир. У Владислава под началом было 12 000 мужей¹¹. Много благородных рыцарей и пеших воинов, укрепленных мужественным рвением и воинской храбростью, также отправились поспешно в славный город Илов¹². У них было страшное оружие и блестящие доспехи, кони с золотыми украшениями и дорогие колесницы, драгоценные одежды, окрашенные в

весенние цвета, так что зрители поражались великой пышности воинов. И я, ничтожный Иоаннес, будучи там, явился очевидцем подобной славы.

Итак, через несколько дней королевич выступил. Множество же горожан двинулись громадными толпами, чтобы достойным образом проводить всеблагословенного королевича Владислава. Вслед за этим королевским приказом было предложено оповестить всю страну Польскую, чтобы были прекращены звуки музыкальных инструментов, лири и барабанов, арф и иных видов до тех пор, пока не будет устранена угроза.

После того, как недостойное и пустое веселье прекратилось, все устремились к церкви, чтобы в великой надежде читать молитвы и в беде призывать на помощь бога. И настолько преуспели в этом, что в городах и селах, монастырях и пустынях, во всех населенных местах до дня последнего боя, днем и ночью не прекращались колокольный звон и клики, песни, молитвы и церковная служба, [не гасли] светильники, приносились в жертву тельцы.

А королевич Владислав через шесть дней прибыл в наш богохранимый город Каменец¹³, ночь провел в крепости, а на следующее утро правитель города и весь народ, в особенности же армяне, с большой пышностью проводили его до крепости Хотин. Когда же [до крепости] остался путь, равный полудневному переходу, об этом узнал полководец Ходкевич и выступил навстречу с многочисленными воинами. Один покорно, другой милостиво приветствовали друг друга и вместе прибыли к войску, 14 августа, в пятницу.

В один из дней, в четверг, прибыл русский военачальник по имени Бородавка и с ним 15 000 конных казаков, которые зовутся запорожцами. По дороге они встретили войско татар и турок и восемь дней сражались с ними, убили силестрийского пашу Хюсейна и многих других.

Неверные же не смогли сделать ничего похожего, лишь сбили с ног полковника Сагайдачного и то без вреда. Да еще 40 000 казаков были отправлены полковником за добычей и они не вернулись обратно, так как на них напали неверные и всех перебили. И все войско отомстило за Бородавку, о чем я скажу в другом месте.

ГЛАВА VI

О прибытии в Хотин Османа и вслед за ним — татарского хана Хантамура

Итак, в шестнадцатый день августа нечестивый султан турецкий Осман подошел к границам Хотина с бесчисленным конным и пешим войском¹⁴, в десятки раз превышающим христианские силы, и остановился на расстоянии одной мили от поляков. Разбили пестрые шатры и покрыли ими все поле. Они подвезли страшные пушки, числом до трехсот¹⁵. Четырнадцать из них были столь велики, что двадцать волов тащили их с трудом. Другие же были поменьше.

Когда все войско неверных собралось в лагере, тотчас же начали трубить в трубы, бить в барабаны, [играть] на прочих музыкальных инструментах, чтобы независимо от повеления султана каждый мог испытать себя для задуманного предприятия.

Тогда вышли 10 000 турок и, взяв с собой многие пушки, яростно напали на христиан, стали разить воинов. Когда поляки увидели это, против турок выступили 500 человек, завязался небольшой бой, но не с [целью начать] настоящее сражение, а чтобы разузнать о силах магометан. И, поскольку час был вечерний, стычка быстро закончилась.

Таким образом, когда началась военная потеха, [в бою пали] только 20 христиан и 12 неверных. В дальнейшем турецкое войско все более и более возрастало, ибо на следующий день, в пятницу, прибыл татарский хан Хангерич¹⁶, со статидцатитысячным войском. А с ним явился Хантамур-мирза, который был еще злее и имел 80 000 войска. Они расположились за турецким лагерем, у той же реки, которая зовется Нистр или Турла. Рассеявшись повсюду, они захватили все дороги, так, чтобы никто не мог доставить христианам продовольствие. Захватили многих лиц, которые несли жалование [солдатам] королевича, захватили также две громадные повозки с порохом для пушек и ружей. Овладев всем этим, татары отнесли добычу в дар султану, который принял с радостью и был им весьма благодарен. И Осман приказал своим инженерам, чтобы они поспешно навели мосты на реках и войско могло по ним пройти. Все это сделали с большим умением и быстротой, в течение пяти дней были готовы внушительные и прочные мосты. Говорят, что в другое время никто бы не смог выстроить мост, хотя бы деревянный, даже в течение целого года. Через несколько дней неверный мирза Хантамур с пятьюдесятью тысячами солдат вторгся в страну илахов, дошел до Люблина, находящегося на расстоянии пятнадцатидневного перехода, разрушил многие провинции, опоганил поля и, предав все огню и мечу, с большой добычей вернулся к Осману.

И в то время, как он проходил мимо Каменца, многочисленные горожане и крестьяне и с ними четыреста немцев напали на татар, перебили некоторых из них, отобрали добычу, освободили пленных и доставили в город. Неверные, придя в ярость, сожгли армянскую церковь, то есть расположенный недалеко от города монастырь св. Просветителя, вместе с находящимися вблизи постройками. Равным образом [сожгли] и крышу церкви св. Креста¹⁷.

Слушайте же повествование о битвах, которые происходили в эти дни.

ГЛАВА VII

О нападении турецкого войска на стан казаков и о позорном отступлении [турок]

В субботу, 18 августа, турецкое войско снялось с места и с великими силами напало на польский лагерь, на ту часть, где были казаки. И начали палить из пушек и ружей, и так до вечера, но никому не повредили, так как казаки укрепились и [держались] с большой осторожностью и разили врагов. А поскольку казацье племя отличается великими познаниями [в военном деле] и хитростью, то они вышли не раньше, чем наступил вечер, а враг утомился от постоянных перебежек.

А в девятнадцатом часу воинственные казаки объединились и, перекрестившись, начали бить чужеродцев, пока те не выдержали и, повернув обратно, ударились в бегство. А казаки, преследуя их, избивали пещадно, так что бесчисленные мертвые тела покрыли всю землю. Но день был на исходе, они с победой вернулись обратно, взяв добычу и притащив две великолепные пушки. И такими смелыми подвигами отличилось в этот день казацкое войско, что ужас охватил всех язычников, и даже сам султан Осман с сановниками впал в страх, он немало сожалел, оплакивая гибель бесчисленных знатных магометан.

В воскресенье и понедельник турки не осмеливались вступить в бой, ибо скорбели о перебитых в прошлый день. Тогда Осман разгневался, приказал позвать великого князя, который зовется езничери-агаси, и в

кандалах отправил его в тюрьму. Одному паше приказал отрубить голову, другого же лишил сана¹⁸, ибо они обещали в один день уничтожить польское войско. И вот, сказал он, за столько дней вы не принесли никакой пользы и даже способствовали гибели моих многочисленных воинов, [перебитых] бесчеловечными казаками. И здесь исполнилось слово пророка, который сказал: «Извне будет губить их меч, а в домах — ужас...» (Второзак. 32. 25).

Через два дня против казаков выступил с двадцатью тысячами вавилонский владетель¹⁹ Мюстефа-паша, но выступил тайно, чтобы никто не узнал [об этом]. (Турки) неожиданно напали на пеших воинов-христиан, которые защищали дорогу перед городскими воротами, в то время как войско обедало, [и было этих воинов] двести человек. Когда они увидели множество неверных, обратились в бегство, а те стали их преследовать и убили некоего благородного мужа, сотника²⁰, а с ним и пятьдесят других [воинов]. Того же, кто держал древко [знамени], взяли живьем и доставили в турецкий стан. Захватили также знамя, которое по-турецки зовется байрак. Когда поляки прослышали об этом, они поспешно выступили и, приблизившись к неверным, обратили их в бегство, перебив 30 человек или более.

ГЛАВА VIII

О победе господина Шинявского и уничтожении различных турецких племен

В тот же день неверные объединились — бесчисленные всадники из различных племен и другие, обнаженные, с распущенными как у женщин волосами, арабы, прибывшие из Вавилона и Египта. Они громко восклицали: «Лу, лу, лу!» и в таком страшном виде, с наглыми лицами дошли до польского стана, в то место, где находился младший полководец поляков²¹. Стоявший у других ворот великий гетман Ходкевич²², видя приближение неверных, сильно разгневался и пожелал в великой ярости выступить навстречу этой смешанной толпе. Солдаты же, которые охраняли ворота лагеря, видя подобные намерения [этого] мужа, не допустили преждевременного вступления в бой и с большой мольбой вернули его обратно.

Тогда великий кастелян Полоцкий и великан Шинявский с тремя тысячами войска, а также некий сотник из гетманских войск, по приказу великого полководца вступили в бой, отряды же всадников держали наготове для встречи с противником. И тогда огромное множество правоверных, укрепив себя крестным знаменем и трижды призывая имя Христа, согласно христианскому обычаю, вкупе напали на бесчисленные войска исмаильтан, начали поражать их, как молния — тростник, пока не кончились дротики. После этого взяли за коня, избивали, валя бездыханные трупы, обоюдоострыми мечами, [пустили в ход] пистолеты. И настолько все смешалось в бою, что ратник не видел товарища.

А всеславный владетель Бережана, господин Шинявский, верхом на быстром коне, встал со своими товарищами во главе правого крыла войска и нещадно избивал [врагов]. Начал в десять часов дня и продолжал до двадцати и перебил столько врагов, что все Хотинское поле было покрыто убитыми турками. Многочисленные раненые, сложенные как дрова, плавали в крови.

А блаженный кастелян Полоцкий, понадеявшись на собственное могущество и преисполненный великого гнева, увлек левое крыло полка,

рубил головы эмирам и [прочим] знатным лицам, валил их на землю, пока сам не свалился, окруженный всадниками. Кто-то из войска неверных нанес ему в шею удар мечом, который пробил шлем и жестоко ранил его. Но он не свалился с коня, а вернулся в стан живым.

Когда христианское войско прослышало об этом, пришло в еще большее возмущение. Воины повернули на врага и избивали все войско неверных, пока те не обратились в бегство, так что из каждой тысячи спаслось едва ли по 20 человек. Собрал всю добычу, захваченную у неприятеля, [поляки] вернулись с большой победой.

В этой великой битве из польского войска пали немногие — лишь двое воннов и двенадцать пажей²³. Но [турки] захватили знамя гетманского войска, кроме того, добрый пан Полоцкий через пять дней отдал душу, кончил мужественной смертью во славу Христа. И кровь его смешалась с кровью мучеников. Да удостоится он их венца, аминь!

Сторона же неверных имела бесчисленных убитых, так что в ту же ночь турки явились с горящими факелами и собирали тела павших — военачальников и своих знакомых. Унесли их, оставшиеся же стали пищей птицам небесным и диким зверям земным.

ГЛАВА IX

О том, как объединенное войско верующих вступило в бой, турецкое же не осмелилось выйти

В среду августа все христианское войско, исповедовавшись и причастившись, испросив друг у друга прощение грехов, выступило с большой осторожностью, одновременно и быстро. [К тому времени удалось] снарядить кавалерийский полк. Пехота также была снаряжена, как того требует военное искусство, и длительное время ждала противника.

Увидев страшных и могущественных поляков, которые были облачены в стальные доспехи небесно-голубого цвета и стояли подобно несокрушимой скале или прочной стене, войско неверных охватил ужас и страх, они не осмеливались вступить в бой, но приволокли в лес громадные пушки, бросали оттуда на христиан [ядра] и громко восклицали: «Выходите вперед!» Видя нечестивые действия турок, поляки отступили; так же поступили и враги.

В этот день турецкому войску придали 4000 янычар, ибо пехота весьма поредела. В четверг христианское войско вновь подготовилось к бою, но враги, как и вчера, не пожелали выступить. Только немногие татары, обойдя Хотин, думали нанести коварный удар, но в хотинской церкви христиане выставили засаду — также 100 человек пеших воинов, — которые напали на противника, взяли трех пленных и доставили к гетману; иных порубили саблями, остальные бежали.

В пятницу и субботу иноплеменики четыре или пять раз предпринимали нападение на казаков, но, ничего не добившись, со стыдом поворачивали обратно. В воскресенье же августа все многочисленное и могущественное войско неверных со всех сторон, подобно темному облаку или потоку, не сдерживаемому волнами, настолько густо окружило армию христиан, что не было видно ни поля, ни гор. Установив повсюду огромные пушки, начали бить непрерывно, так что, говорят, выстрелили более двух тысяч раз, попусту и не в цель, так что никому не смогли повредить. Также и христиане палили из пушек и ружей, сразили многих врагов. Сражались с варварами до вечера, и враги, придя в уныние, отступили.

В этот день казачье войско отстранило от должности своего великого военачальника, на его же место поставили смелого и воинственно-

го мужа по имени Сагайдачный, который раньше был тысяцким. Сделали это по той причине, что по прибытии в Хотин он из жадности отправил в Богданию 4000 казаков²⁴, где они и погибли без пользы, причем, как было сказано выше, их товарищи пребывали в неведении. Через две недели Бородавка был обезглавлен в их лагере.

ГЛАВА X

О прибытии турецких послов для заключения перемирия и о гибели Каракаш-паши

В понедельник августа явился некий Константин, сын Батисты, — посланец турецкой стороны, — и предстал перед добрым военачальником Ходкевичем. Поклонившись, он начал говорить о перемирии и любовном соглашении и сказал: «Отправьте посла к господину Богданию Раду, дабы и Раду, постоянно пребывая вместе с визирем и советниками, стремился установить мир между обеими сторонами»²⁵.

Всеславный же гетман, хоть и не имел полномочий своего короля на заключение мира, посоветовался с королевичем, сановниками и паном Богданием. И они выбрали в качестве посла некоего воина, по имени Желенский²⁶. И на следующий день сына Батисты отправили послом в турецкое войско, но ответа не получили.

Случилось же так потому, что в среду прибыл паша Будина, по имени Каракаш, имевший под началом 4000 смелых воинов. Он поцеловал Османа в ноги и сказал: «Здравие тебе, непобедимый султан! Сегодня я вкушу со стола моего господина не раньше, чем уничтожу твоих врагов. Достоин ли твоего блестящего царствования, что вы в течение стольких дней не смогли разбить малочисленное войско гяуров?»

Услышал это неверный Осман и из-за этого надменного мужа быстро забыл мирные обещания. И, поскольку и раньше знал его как человека смелого и удачливого, распорядился поднести ему большие дары, одежды из золототканной материи, а также [придать ему] 6000 конных анатолийцев, 5000 пеших янычар, 12 000 румелийцев, так что все вместе они составляли 27 000 избранных и лучших воинов. И сказал: «Идите, и да помогут вам Магомет и Али!»

Тогда нечестивый Каракаш приказал трубить в трубы и [играть] на прочих музыкальных инструментах. В обед сборище неверных начало восклицать: «Аллах! Аллах!» и со страшными угрозами и во всем могуществе одновременно двинулось на христиан, так что я не в силах передать вам, слушателям, эту страшную картину — выкрики и огонь выстрелов из пушек и ружей, сверкание сабель и [иного] вида оружия, ржанье коней, от чего дрожали поля и горы. И их победоносная сила все увеличивалась и увеличивалась, всадники и пешие побуждали друг друга к [ратным] деяниям. И, побратавшись со смертью, напали на [польское] войско, близки были к тому, чтобы ворваться в лагерь. И, увидя это, многие христиане отчаялись в спасении.

Тогда Ваир — командующий немецкими отрядами — прибыл туда с четырьмя тысячами воинов, вооруженных ружьями. Одновременно все войско илахов организовало вдоль вала кольцевую оборону. И, призвав на помощь бога и всех святых, с великой надеждой и верой подготовились к бою и оказали такое сопротивление иноплеменикам, что многих из них перебили, остальные же обратились в бегство. Когда неверные побежали, некий немец, муж умелый и испытанный, схватил ружье и попал в ногу паши. От страшной раны паша грохнулся наземь, конь же, свалившись, сдох. Кто-то из его воинов подвел другого коня, дабы

тот спасся верхом. Но когда несчастный Каракаш уцепился за коня и захотел вскочить на него, другой немец прицелился из ружья и огненным свинцом попал в сердце неверного; он тотчас же свалился на землю и с помощью сатаны испустил озлобленный дух.

Когда [турецкие] воины увидели это, они привязали к мертвому телу веревку и потащили за собой на расстояние трех полетов стрел. Затем на некоторое время остановились в лесу, пока привели повозку, погрузили [тело] и со стыдом повезли к своему войску. Так же смогли увезти тела и других убитых. Христиане же, преследуя их, захватили их имущество и вернулись в великой радости, воздавая хвалу богу за то, что спас их в этот день от столь грозного врага.

Когда неверный султан прослышал об этом, он был глубоко уязвлен и, испуская горестные крики, горько рыдал по поводу такого побоища, в особенности же [оплакивал] этого самого Каракаша, ибо все надежды возлагал на него. [Оплакивал] также избранных и благородных всадников Боснии и Анатолии, погибших от руки поляков. И с ним горевало все войско, оплакивало гибель товарищей.

В этом великом бою пало 7 христиан, из неверных же 3000²⁷; кроме того, было более 3000 раненых, которые один за другим умерли в своем лагере. А погибшие воины были все выдающиеся и могущественные. И все это произошло из-за некоего мадьяра-пехотинца, который бежал от христиан и соединился с неверными. Он позвал этого самого Каракаша и сказал, мол, в этом месте польский лагерь не защищен, дозора нет, а вал невысок, так что [захватить лагерь] тебе будет нетрудно, как и было на самом деле. Но господь пресек задуманное ими, и тогда они схватили этого неблагодарного мужа и лишили его, нечестивца, жизни — зарезали, приговаривая: «Ты явился причиной гибели столь великого воинства мусульманского!»

ГЛАВА XI

О казаках, о смерти гетмана и о том, как турки отпустили послов христиан

В четверг же августа боголюбивый полководец Ходкевич отдал приказ казачьей коннице, стоявшей по эту сторону реки, перейти реку и выйти на тот берег, где стояло великое польское войско. Согласно приказу и желая перейти реку Турла, ночью выступили 1200 человек. Но недалеко от мостов скрывались 2000 турок, которые беззаботно дремали. Это были отряды паши Карахисара и Али-паши. Увидя это, казаки тайно напали на них и всех их перебили в шатрах, так что никто не спасся. Только арапа, принадлежавшего паше, поднесли в качестве дара королевичу, добычу же разделили между собой.

Услышав об этом, Осман преисполнился гнева и приказал войскам, чтобы на следующий день во всем могуществе напали на христиан, направив удар в особенности туда, где расположены казаки. И [турки] с великим рвением продолжали сражаться до вечера, дважды подходили к лагерю с пушками, стреляли из них и поспешно отходили.

Поляки же и казаки, спешившись, выходили из лагеря и вступали в бой. Сразили двух знаменосцев, головы их и знамена доставили королевичу, получив от него дары. Остальные же [турки] поспешно бежали как накануне и позавчера.

В субботу же сентября всеславный и богожеланный полководец Каруль Ходкевич почил во Христе, умер естественной смертью, завещав всем великое горе. Королевич Владислав, все войско и военачальники

весьма оплакивали его и горевали, что в столь тяжелую и горькую пору он безвременно покинул преходящую жизнь и [приобщился] к бессмертию и бесконечности. Да восславит Христос его душу наравне с [прошлыми] святыми князьями и простит грехи осознанные и неосознанные!

В этот день [турки] вновь напали на казаков с многочисленными пушками, но ничего не смогли сделать. В этот день к турецкой армии приписали 14 000 янычар, сняв их с дворцовой охраны.

В воскресенье же вознесения св. креста султан приказал перейти реку с девятнадцатью пушками и бить по лагерю с этого берега. Большого вреда принести не смогли, за исключением того, [что убили] двух слуг и четырех коней. Не добившись успеха и на этом берегу, в неутешной печали повернули обратно.

После этого турки вернули нашего посла пана Желенского, а также и Батисту-[сына], который явился [к ним] ранее. Они ознакомили младшего военачальника — старосту Сентомирского — с ответом турок, как и было приказано последними. [Поляки же] схватили Батисту-сына и два дня держали под стражей, дабы он не прознал и не донес неверным о смерти великого полководца, пока сам [Сентомирский] будет держать совет с королевичем — каким образом отправить прибывшего турецкого посла.

В этот день нечестивый султан Осман лишил должности своего великого визиря; начальник янычар также лишился славы, причем султан объяснил это тем, что вы, мол, приносите неудачу, поэтому-то столько времени прошло без пользы. И на их место назначил других, полагая, что эти будут удачливее и могущественнее и забыв сказанное: «Если господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Псал. 126, 1).

ГЛАВА XII

О великом сражении между турками и христианами

Во вторник Осман приказал громко возвестить в лагере всему своему войску, чтобы с этого дня все от мала до велика были готовы к бою, если же кто воспротивится приказу — распрощается с жизнью.

Тогда военачальники и командиры с большой осторожностью начали подготавливать всадников и пехотинцев — турок, богданийцев, минтийцев²⁸, румелийцев, боснийцев, анатолийцев, татар и все племена, явившиеся издали, пока никто не остался в лагере, кроме 2000 солдаков²⁹ — приближенных султана, 4000 янычар и столько же секироносцев, то есть балтаджи³⁰. Все же остальное войско Осман вместе с слонами направил на христиан, говоря: «То, что должно случиться — случится сегодня! Либо вы разобьете нашего врага, либо все одновременно погибнете». И он распорядился, чтобы через реку были переброшены сорок пушек, что немедленно исполнили. С пушками переправились четыре паши с 4000 воинов³¹. Они доставили туда свое снаряжение, а бывшие при них воины верхом на конях ожидали наготове. На берегу реки держали также пятьсот янычар, которые не давали христианам войти в воду. И таким образом одни — по эту сторону реки, другие — по противоположную, с первого и до последнего часа [этого] дня, обстреливали лагерь христиан. В этот день девять раз, с большим рвением бросались в бой, пока многим неверным не удалось подняться на вал, откуда они старались проникнуть внутрь [лагеря]. Христиане же кололи их саблями, так что те мертвыми сваливались в ров. Но те-

перь неверные сражались не по своей воле, как то было в прошлые дни, а потому, что находящиеся сзади сотни и тысячки обнаженными саблями и кистенями сильно вели на христиан отвратительное войско.

Сам же Осман поднялся на высокий холм позади Хотина, который зовется «Городище», и было перед ним два слона, а на слонах четыре трубача и певца и различные музыкальные инструменты, чтобы развлекать его. Своими глазами он наблюдал за боем, который вели его войска. Тогда с вестью приблизились к нему лжецы и сказали: «Радуйся, султан, ибо близки мы к тому, чтобы погубить твоего врага!» Другие же: «Ядром сразили мы королевича в лагере, шатры же и всю утварь искрошили и уничтожили!» Но это оказалось пустой ложью.

Когда христиане увидели, что с пушей смелостью надвигаются неверные, они подтащили все пушки и заложили их различными железными сосудами: подготовленными заранее, и одновременно выпалили по неверным. Все это разлетелось на многочисленные мелкие кусочки, а бой продолжался до тех пор, пока весь лагерь и все поле не оказались залитыми кровью и покрытыми трупами убитых. Остальные же, как положено, побросали оружие и обратились в бегство подобно собакам. [Поляки] обратили пушки в одну сторону и, прицелившись только из двух, умело попали в турецкого бомбардира, так что он оказался разорван на две части. Уничтожили также и шатер пашы со многими [находящимися там] воинами.

Видя это, неверные начали поспешно запрягать повозки, на которых были пушки, быстро собрали шатры и со стыдом бежали. Таким образом, удачи не имели ни те, что были по эту сторону [реки], ни те, что были по другую сторону. Осман был сильно уязвлен этим, в глубокой печали он предался сомнениям, отчаялся во всем и в большом горе оплакивал свою неудачу, вследствие которой лишился многих мужественных воинов. После этого [турки] не решались вступить в бой, но поневоле, смирившись, твердо желали установить мир.

В этой последней, великой битве из войска правоверных пал, во-первых, мадьяр-тысячник³² по имени Фэкетти — муж испытанный во всяческих воечных доблестях. С ним погибли 28 мужей, кончивших в этот день жизнь от меча. Сторона же неверных [потеряла] бесчисленное множество, но приблизительно насчитали столько: пеших — 4000³³, конных воинов — 3000, богданийцев и минтийцев — 6000, раненых же саблями и ядрами — более 10 000³⁴. Их погружали на повозки и везли в свой лагерь, но из погибших брали лишь знакомых и военачальников, а остальных — одних бросали в реку, других хоронили тут же, иных оставляли на месте в качестве пищи собакам и диким зверям.

И следует знать, что не только от мечей и оружия гибли неверные, но их все время поражала и губила невидимая длань господня.

ГЛАВА XIII

О том, как [поляки] отпустили турецкого посла и с ним отправили своего посла

После этого в среду из польского лагеря послали сына Батисты — вестника, явившегося от турок, а с ним отправили христианских послов — кастеляна пана Бельзецкого и воеводича Лубельского, вместе с 25 мужами. Кроме того, из польского войска послов сопровождали 200 избранных и благородных всадников, в разнообразных великолепных облачениях и красивых плащах из звериных шкур. С ними были князья

и многие сановники, и даже сам староста Сендомирский³⁵ тайно отправился с ними до самого турецкого лагеря.

Когда с турецкой стороны заметили христиан, вышли им навстречу, причем и на вышедших были замечательные виссонные одежды. Они расположились в соответствии с [родами] войск, на крупных конях, причем тех, которые зовутся «сипахи»³⁶, было 300 мужей, [было также] 100 служителей³⁷ и множество прочих воинов. Встретившись в поле, они взаимно приветствовали друг друга, а затем провели христианских послов к Осману; остальные же мирно отправились в свой лагерь.

Но в этот день нечестивый султан еще до [прибытия] посла к городку Пановцу, что неподалеку от Хотина, отправил многочисленных татар и янычар с крупными пушками. Они напали на Пановец, до вечера били по стенам из пушек и ружей, отчего и гибли застигнутые внутри горожане.

И некий русский священник, отец Никольский, изготовился и метко сразил из ружья нечестивца, который стрелял из пушки; тот свалился и умер на месте. Видя это, неверные поспешно собрали свое оружие и секиры и со стыдом убрались, чтобы более не вернуться.

В четверг, пятницу, субботу и воскресенье, пока посол находился у турок, между противниками ничего не происходило, бои между двумя сторонами прекратились. Но христианское войско было наготове, ибо не верило обольстительным речам неверных.

В эти дни победоносный и христолюбивый князь Владислав начал щедро одарять знатных и рыцарей за их ревностную и преданную службу. Казаков же и немцев он обещал за их храбрость щедро наградить после радостного возвращения домой, [что и было сделано], был он всем благодарен и доволен ими за совершенные ими деяния.

В среду³⁸ султан Осман отпустил послов христиан, а с ними турка-служителя. Султан всяческими клятвами скрепил соглашение, вручил им грамоту о ненарушимом мире, и они с радостными известиями прибыли в польский лагерь.

Но достоверно никто не мог узнать о донесении послов — на каких условиях было [заключено перемирие], ибо многие рассказывали об этом, но все различно. Посему и я не смог точно поведать об этом различно толкуемом событии, в особенности же потому, что [речь идет] о царских, дворцовых делах. То, о чем можно лишь догадываться, я предоставил недостижимой мудрости божьей, а из явного я обращаюсь лишь к достоверному.

ГЛАВА XIV

О том, как султан собрал все свои войска и после заключения мира вернулся в свою страну

В среду султан Осман снарядил пятьсот служителей и многочисленных стражников и приказал им отправиться в Польшу; и если найдут там его воинов, татар, турок или представителей подчиненных ему других народов, пусть без промедления переправят их в Богданию, что посланцы и выполнили. Все же турецкому народу прочли угрожающее наставление — если отныне осмелится кто перейти реку и нанести вред Польше, если кто, обнаглев, совершит подобное — при всех условиях будет предан смерти. И точно так, как поначалу они возрастали в числе, к концу начали убывать, [уходили] один за другим, пока след их не простыл по всей стране Польской. В пятницу же в польском войске было большое ликование, [радовались] воины и восначальники,

старшие и младшие. Начали палить из пушек и ружей, трубить в трубы, играть на музыкальных инструментах, бить в барабаны, так что турецкое войско поражалось тому, как от радостных кликов христиан могуче сотрясались скалы и камни. И [христиане] радостно воздавали хвалу богу — всеобщему спасителю за то, что столь великий гнев и ярость нового Юлиана он, всезнающий господь, обратил в покорность и позор. Точно так же священники и паломники, которые были в войске, вместе с мирянами дружно и вдохновенно, громкими голосами пели псалмы Давида: «Они от руки твоей отринуты, а мы народ Твой и Твоей пажити овцы» (см. Псал. 87,6 и 78,13).

В субботу явился служитель и с ним важный богданец — пыркалаб³⁹. Поляки покинули Хотинскую крепость и передали им. Прежде эта крепость была богданьской, и владели ею турки. Но за пять лет до этого некий польский князь Корецкий захватил крепость, так что до настоящего времени ею владели [поляки].

Итак, теперь ясно, что мир между обеими сторонами был заключен на этих условиях — именно [поляки] возвращают туркам Хотинскую крепость. Но впоследствии неверные лживо заявили, что христиане, мол, обязались платить туркам военную дань. Так пусть же никто не верит этим пустым словам!

В воскресенье, поднявшись поутру, Осман приказал трубить в трубы, так, чтобы все слышали, и все войска, как конные, так и пешие, приготовились отправиться в путь. И в обед он двинулся со всей своей армией. Они удалились от христиан, так что те были едва видны и расположились лагерем на той же реке Турла, на высокогорье, подобно темной туче. Множество же неверных [остались] в поле и покрыли его подобно саранче. На следующий день они сиялись и ушли, чтобы более не вернуться.

В тот же день, во вторник, войско верующих начало переходить реку, но не все сразу, ибо мост, выстроенный поляками и находившийся недалеко от крепости, был разрушен. Поэтому переплывали на маленьких лодках, небольшими группами. Но находившийся вдали турецкий мост был невредим, ибо, уходя, Осман приказал, чтобы его не разрушали и оставили целым. Поэтому польская конница смогла пройти по нему.

В среду и четверг блаженный князь Владислав со всем войском и военачальниками перешел мост и вступил в свою вотчину, в страну Польскую. Армия расположилась у городка, который зовется Званец.

Здесь мне прилично описать прибытие польского короля, хотя он и не смог явиться вовремя. Но, дабы сполна ознакомить с этим ваши высокие мысли, ум и знания, я коротко изложу действительные события и затем вернусь к прерванному повествованию, так, чтобы ваша высокая мудрость не скупая следовала до последней точки моего труда.

ГЛАВА XV

О том, как польский король со всем войском прибыл во Львов и, узнав о перемирии с противником, вернулся в Варшаву

В эти дни самодержавный и благочестивый король польский Зикмунд мудро распорядился всеми делами в своей стране и, поскольку пока он пребывал в неведении по поводу заключения мира с агарянами, по всей Польше отправил многочисленных чиновников, чтобы они, согласно высочайшему повелению, объявили всем воинам, рыцарям и слугам, всадникам и пешим — пусть все они поспешно направляются в го-

род Львов. И сам король, с многочисленными именитыми магнатами, без промедления направился туда же. И в этот день его окружало громадное войско, состоящее из 300 000 человек⁴⁰.

После великих приготовлений они собирались идти на дикое и варварское племя [турок]. Но пока с этой мыслью они спешили выступить из города, из христианского лагеря с добрыми вестями прибыли спешные гонцы и сказали: «Здравствуй и благоденствуй, непобедимый король, ибо господь сам сразился с твоими врагами, поддержал в твердости твоего молодого сына и нашего великого господина Владислава вместе со всем войском. Неверные прислали посольство и попросили у нас мира и дружеского союза, что и совершилось. И пусть не заботится более твое высокое королевское величество, ибо скоро прибдет твой добрый сын со всеми рыцарями». И поведали ему последовательно о всех имевших место событиях.

Услышав это, король опечалился и сказал: «Что мне делать, как они осмелились [предпринять это] против нашей воли и не дожидаясь нашего прибытия?» И все войско сожалело о случившемся, ибо столь великое множество народа вынуждено было вернуться не проявив своего мужества. Роптали и обвиняли короля в том, что он запоздал с выступлением и не смог прибыть вовремя. Но [задержка произошла] не по причине его беззаботности, но вследствие нужд страны, как об этом мы упомянули выше. Итак, через несколько дней король Зикмунд вернулся в свой город Варшаву.

Но я должен истинно заявить, что, если бы они прибыли вовремя — уничтожили бы все иноплеменное войско, ибо поклялись вернуться не раньше, чем войдут в ворота Константинополя; продовольствия у них было на шесть месяцев, бесчисленное оружие, и были то люди избранные и в военном деле опытные и умелые. Войско же неверных было охвачено отчаянием, измощено вследствие голода и жары, они много дней вели непрерывные бои, [многие] гибли и получали ранения, так что разбить их было очень легко.

Но всеведущий и справедливый бог, который испытывает сердца и чувства людей, взвешивает горы и устнагливает основу земли, поливает дождем верующих и неверных и позволяет солнцу блистать великолепием как для праведных, так и для грешников, не пожелал поступить согласно желаниям тварей земных и соответственно мыслям человеческим, но чудесным могуществом своим успокоил растущую вражду двух королей, дабы никто не печалился из-за лишений и каждый получил бы свое.

Удивительно все же, как запоздала милость божья по отношению к пасте, не пожелал бог смерти врагам креста. Но кажется, что бог хочет уязвить неблагодарных христиан по древнему образцу, когда, угрожая Израилю, он говорил: «Навуходоносор — это чаша гнева в моих руках, и я напою ею того, кого пожелаю». Но мыслей наших возбуждение умиротворяет блаженный Исаия, наставляя: «Кто уразумел дух господи и был советником у Него и учил Его?» (Исаия, 40,13). И апостол, восхищенный недостижимостью суда господнего, говорит: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Римлян. 11,33). Посему и мы обойдем это молчанием и вернемся к прежнему месту предпринятого труда, говоря: «Да будет благословенна воля Божья вовеки!»

ГЛАВА XVI

О том, как христианское войско вернулось домой, воздавая славу господу и королевичу Владиславу

В пятницу, прибыв со всем своим войском, королевич Владислав разбил лагерь в поле близ Каменца, сам же вступил в крепость и пробыл там неделю. Староста же Сендомирский остановился в доме армянского судьи по имени пан Лукаш, и там среди яств и питий в течение нескольких дней предавались веселью⁴¹.

Через восемь дней христианское войско по приказу королевича разошлось по домам. А тело блаженного и великого полководца Каруля Ходкевича, который в лагере преставился во Христе, перенесли в вскормивший его замок и с большими почестями предали земле.

Казачий же гетман Сагайдачный с тридцатью тысячами воинов вернулся к себе в Запорожье, в родные места казаков⁴².

А великий князь Владислав через определенное время и сам подошел к Львову. И большие толпы народа, стар и млад, украсив городские улицы и дворцы, с большим шумом выступили навстречу, поклонились ему с благодарным чувством и сказали: «Да будет благословен твой приход, королевич! Мир нашей стране и слава всевышнему богу!» И поднесли ему в дар золотые и серебряные [изделия], а также коров, бычков и коней. Некоторые же в упоении пели ему сочиненные ими пышные песни с пожеланиями. И в этот день великая радость была как в столичном граде Львове, так и по всей Польше*.

ГЛАВА XVII

О голоде, наступившем в обеих армиях, и о численности турецкого и христианского войска

Итак, поскольку выше я обещал завершить задуманное изложение, я возвращаюсь к этому и расскажу о тяжелых невзгодах, испытываемых обеими армиями, ибо вследствие затруднений с продовольствием и пищей многие слабели и гибли⁴³.

Голод прежде всего поразил войско христиан, ибо со всех сторон их окружали неверные и неоткуда было доставать пищу. Лишь те, у кого ранее были излишки, продавали их по высоким ценам следующим образом. Хлеб, который [ранее стоил] один пара — за 40 пара⁴⁴, одно яйцо — 2 пара⁴⁵, маленькую рыбку — 24 пара⁴⁶, одну унцию сыра — 60 монет⁴⁷, полторы унции водки — 180 пара⁴⁸, одну унцию уксуса — 40 пара⁴⁹ и так далее. Но мясо в армии стоило не так дорого, ибо казаки каждый день уходили из лагеря и ночью неожиданно нападали на турок и, перебив их, брали в качестве добычи много скота, который затем продавали полякам по достаточной цене — за одного верблюда давали золотой дахекан, буйвол стоил 100 пара, ибо, как говорится, взор ценит лишь заработанное. Многие страдали от голода, в особенности же несчастное немецкое войско — по дороге от Хотина до Каменца упало более 100 человек, которые более не могли двигаться. В городе же за

* Вставка Саргиса Дпиря: «Следует отметить, что в этом месте историк Иоаннес, который сочинил и изложил [этот труд], пышным слогом воздает королевичу великую хвалу. Но поскольку образец, с которого мы описывали, был искажен, то я не пожелал следовать «Истории», тем более, что устал от славословий и был болен. Посему и опустил это место».

двадцать дней поляков и немцев умерло приблизительно 1700 человек. Их собрали и похоронили за городской стеной. Всего же немецкого войска было: пеших—8000, конных—2500, что составляет 12 500⁵⁰. Из них в боях и на дороге пало 5000, остальные же вернулись к себе в Данциг.

Всего же в христианском войске поляков, немцев и казаков, пеших и конных было, как говорили некоторые, 100 000. В течение сорока пяти дней они смело сражались против бесчисленного турецкого войска. Погибших смертью храбрых и умерших по дороге во время возвращения конницы было, как говорили, 15 000. Их имена будут вписаны в историю бессмертных, на несказанную и бесконечную радость небесам, аминь!

Обратимся же к туркам, которые свободно расположились на поле, никем не окруженные и не испытывающие страха, так что повсюду они могли найти пищу. Однако, из-за многочисленности войска, голод у них ощущался значительнее, чем в армии христиан. Так, мера ячменя стоила 6 золотых⁵¹, две унции сухарей — 50 пара⁵², хлеб, который [стоил] один аспр — 60 аспров⁵³, две унции риса — 60 пара⁵⁴, курица — 80 монет, то есть пара⁵⁵, одно яйцо — 8 пара⁵⁶, малая толика соли — один золотой⁵⁷. Мяса же у них было достаточно, ибо негодяи-татары пригоняли награбленных повсюду овец, коров и лошадей и продавали по небольшой цене. Остальная же пища весьма подорожала, поэтому иноплеменные войска ослабли, они заболели и многие в лагере погибли от голода.

Когда же Осман направился в свою страну, много всадников и пеших умерли по дороге, и было бесчисленное множество трупов, которые покрывали землю. Из-за многочисленных мертвых тел поля и горы стали испускать зловоние, так что в течение многих дней никто не решался проходить по этой дороге. Благородные турки и дорогие кони, бесчисленные стада верблюдов, буйволов и быков падали по пути до самого Константинополя.

Всего же в турецком войске, пришедшем в Хотин, турок и татар, улахов и минтийцев и других было 1 000 000, по сведениям же других больше — 2 000 000. Говорят, что от меча и от голода, в людских и безлюдных местах погибло 120 000, которые были уничтожены самым безжалостным образом. И причиной их гибели был нечестивый Осман. Поэтому он и сам попал в вырытую им яму, увидя завершение нынешних дел и в ожидании бесконечных и неизбежных мук будущего.

ГЛАВА XVIII

Об убийстве Османа, что произошло в 1071 году армянской эры, мая 19, в среду

Итак, поскольку мы подошли к концу нашего исчерпывающего повествования, выполним наш долг и ознакомим с незавершенной частью первой главы, изложим то, что вынуждены были опустить. От осведомленных и правдивых людей мы узнали, что когда нечестивый султан Осман прибыл в свой город Константинополь, беспокойная совесть заставила его переживать и печалиться по поводу прошедших событий. Султан терялся в мыслях и тревожился.

В результате этих раздумий родился новый замысел—каким-нибудь образом отомстить полякам. И он выразил желание после больших приготовлений отправиться в Мекку, но не потому, что ему [действительно] нужно было пойти туда, но с намерением перейти в Анатолию, собрать новую конницу и на следующий год вновь напасть на христиан. Узнав обо всем этом, его советники постарались отвлечь его от этих жела-

нии, но он никого не слушал и лицемерно повторял, что, мол, я не изменю своих намерений, ибо поклялся непременно отправиться туда.

Когда приближенные увидели, что им не удастся отговорить его, они собрали все войско в городе и отправили к султану послов, которые сказали: «Мы не можем запретить твое путешествие в Мекку, но выдай нам своего великого визиря Дилавер-пашу, старшего областеначальника и восемь других мужей — наших противников, сам же иди с миром». Но Осман отказался выдать кого-нибудь из них, дабы и его не выдали войскам, так как [требуемые лица] были соумышленники. По этому поводу к султану во второй и в третий раз направляли [послов], но он не позволял приблизиться к [упомянутым выше лицами].

После того, как все убедились в безрезультатности [этих действий], масса воинов осмелела, они без приказа султана направились к дворцу визиря, вытащили его на улицу и, зарезав, выкинули в качестве корма собакам. Отсекли головы и прочим, насадили их на палки, а тела кинули на площади Ат-Мейдан. И столь велико было в эти дни волнение, что поспешно привели дядю Османа — султана Мустафу и сделали его султаном.

Когда Осман узнал о случившемся, он весьма испугался, тайно прошел в дом князя, который зовется «езничери агаси», и отправил его к толпе, чтобы он обещал каждому сто золотых дахекан — тогда, возможно, они успокоятся. Но конные воины не дали ему слова вымолвить, схватили его и умертвили на месте, и также проломили голову некоему Хюсейну-паше. Но бездушные сарацины на этом не успокоились, подобно бушующим волнам или весеннему потоку они волновались все более и более.

Они дошли до султанского дворца, схватили несчастного Османа, посадили на мула и повели к месту, которое зовется Еди-куле, и там безжалостно задушили. Погубили своего султана, в то время как он тщетно молил о спасении. То было знамение гибели языческой династии!

Отмщение, которое пало на Османа, было предопределено господом, ибо [султан] и сейчас был готов к пролитию христианской крови, готов был излить на христиан горечь своего предательского сердца, хотя и поклялся в любви и союзе. Но, устремляясь ввысь, он внезапно совершенно сник, домогаясь частицы — лишился целого, находясь в стремительном потоке — оказался поглощен [водой], казавшиеся незыблемыми помыслы рассыпались в крохи. Возносящийся к небесам и преисполненный горечи, он пал в преисподнюю, подобно Капернауму, который был уничтожен после того, как умыл душу свою в крови невинных. И мы в радости громко произносим слова псалмов по поводу того, что [опорожнен] сосуд с губительным содержанием: это — тот муж, который отказался от помощи божьей, уверовал в собственное величие и укрепился в коварстве.

А теперь в радости воздадим хвалу всесвятой троице, ибо троица способствовала тому, что я хоть и кратко, но изложил свой труд и ныне с помощью троицы привел его к завершению. Пора умерить наше рвение и воздать хвалу всемогущему и недостижаемому величию его, ныне и присно и во веки веков, аминь!

Перевел с древнеармянского К. И. ЮЗБАШЯН

П р и м е ч а н и я

1. Имеется в виду „Хроника“ Авксента Каменецкого; см. „Предисловие“, стр. 259.
2. „Албания“ — Кавказская Албания, средневековое государство, которое занимало часть территории современного Азербайджана.

3. В 1513 г. свое владычество над Молдавией турки начали осуществлять через посредство молдавского князя Богдана III Черного, страну же стали называть „страной Богдана“, *Богданием*, или *Кара-Богданием* („Черной Богданием“). Следуя туркам, подобное название Молдавии усвоили и другие народы. В армянских источниках Молдавия также называется „страной Богдана“, „Богданием“, или „Богданом“, сами же молдаване — *богданийцами* или *богданами*. То же мы встречаем и у Иоаннеса Каменецкого.

4. Речь идет о пророчестве, приписываемом армянскому католику Нерсесу Партеву (IV век). Согласно этому пророчеству, армяне, подпавшие под иго агарян, освободятся с помощью римлян, или, как пишет Иоаннес Каменецкий — *далматов*. Это пророчество включено в биографию Нерсеса Партева, составленную писателем IX века Месропом Ерецом и дошедшую до нас в двух редакциях — пространной и краткой. Краткая версия в качестве анонимного произведения издана Мкртичем Эмином в французском переводе: „Généalogie de la famille de saint Grégoire, illuminateur de l'Arménie, et vie de saint Nersès, patriarche des Arméniens, par un auteur anonyme du Ve siècle“, см. V. Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, vol. II, Paris, 1869, pp. 17–44. В рукописях Государственного Матенадарана встречаются многочисленные списки этого произведения.

Следует добавить, что в армянской литературе имя „далматы“ часто употребляется в качестве синонима „римлян“. Повествуя о путешествии в Рим армянского царя Трдата и Григория Просветителя, Агафангел сообщает, что „они прибыли в землю Италийскую, страну далматов, в царский град римлян“ („Агафангела История“, Венеция, 1930, стр. 644–645, древнеармянский текст). Под „страной далматов“, или „Далматией“ автор понимает Лациум. В апокрифической „Союзной грамоте“ (*Գործիք Միակից*) говорится, что когда Константин Великий заключил союз с Трдатом и Григорием, при этом присутствовали „бесчисленные далматские князья“ (*К. Шахназарян*, Исследование и опровержение Союзной грамоты, Париж, 1862, стр. 14, на арм. яз.); армянские тысячники получают от императора „инсигнии и знамена далматские“ (там же, стр. 18). Константин приказывает, чтобы „армянские и далматские народы не облагались подушной податью“ (там же, стр. 23). Ясно, что под далматами разумеет римлян и Иоаннес Каменецкий.

Но армяне называли *далматами* и те народы, кто исповедовал католическую веру. Несколько выше сам Иоаннес Каменецкий пишет о поляках: „По происхождению они далматы, вероисповедания римского“. Точно так же поэт XIII века Фрик, в числе прочих народов говоря и об испанцах, называет их „далматами“ (см. *М. Мкрян*, Армянская светская литература XIII—XVIII веков, Ереван, 1938, стр. 2, древнеармянский текст).

5. Наш автор пользуется тремя системами летосчисления, из коих первая — христианская, согласно которой Хотинская война имела место в 1621 г. Вторая — армянская эра. Армянское счисление началось в 551/552 гг. нашей эры, так что 1070 г. армянского летосчисления действительно соответствует 1621 г. Армянское летосчисление передвигалось через каждые 532 года. Округленно года этого периода назывались „пятисотками“ (*հինգհարիւրեակ*). Вторая „пятисотка“ началась в 1084 г., а третья — в 1616 г. Иоаннес Каменецкий намскает на первое пятисотлетие.

Третья приводимая автором дата — мусульманская, но она не совпадает со счислением по хиджре; в последнем случае счет ведется с 622/623 гг. Согласно Иоаннесу Каменецкому, число лет по мусульманскому счислению равно 980, таким образом счет ведется от 641 г., который разнится от хиджры 18–19 годами. Полагая, что, ведя счет от „тирании арабов“, автор имеет в виду первые арабские нашествия, завоевание и разрушение армянской столицы Двин. В историче-

ских источниках завоевание Двина датируется различно, но Иоаннес Каменецкий кажется прав, полагая, что это имело место в 641 г. (ср. *М. Ормания*, Отечественная история, ч. I, Константинополь, 1912, стр. 704—705, на арм. яз., ср. также сводку хронологических данных, приведенных у К. Эзова в „Истории Гевонда, великого вардапета армянского“, СПб, 1887, стр. 176, прим. 9, на арм. яз.).

Несколько слов о *Халирде*, которого наш автор связывает с Магометом и арабской „тиранней“. „*Халирд*“ — арменизированная форма имени арабского полководца Халид бн-Валида (*Б. Гюлесерян*, Ислам в армянской литературе, Вена, 1930, стр. 336—338, на арм. яз.). Григор Татеваци в своей „Книге вопрошений“ пишет о Халиде: „Восьмью годами раньше Магомета некий князь по имени Халирд впервые стал во главе арабов, овладел Дамаском, разрушил его и направился в Армению и многих персов и армян предал мечу“ (там же, стр. 121). В этой связи имя Халида превратилось в „*халирд*“, по-арм. „рубец“ (отдел желудка жвачных животных, куда сперва поступает проглоченная пища) и приобрело отрицательный оттенок. Согласно Джуаншеру, арабы по имени Халида стали зваться „*халирдитами*“ — *քալիրդիտիք* („Краткая история грузин, изложенная историком Джуаншером“, Венеция, 1884, стр. 102, древнеармянский текст).

6. В этом отрывке, относящемся к турецкой администрации и военному устройству, имеется некоторая неясность, ибо автор избегает турецких терминов. Тем не менее, на основании данных, относящихся к государственному устройству Турции интересующего нас времени, можно сделать некоторые уточнения:

„*Сановники и князья*“. Иоаннес Каменецкий имеет в виду, очевидно, *великого визиря* *وزیر اعظم* — наместника султана и первого министра, и его советников — членов Дивана. К числу последних относились *муфтий* *مفتی*, ведавший религиозными вопросами и законами, *кадиласкеры* *قاضی العسکر* — военные судьи, и младшие визири (*Ricaud*, L'état présent de l'Empire Ottoman, Rouen, 1677, livre I, chap. XI. Ср. также *J. de Hammer*, Histoire de l'Empire Ottoman, trad. par J. J. Hellert, t. III, Paris, 1836, pp. 305—311).

„*Начальники и правители провинций*“. Автор понимает *беклербеков* *بکدر بکی* — военных и административных правителей эйялетов или областей и *санджакбеков*, *سناچاق بکی*, которые выполняли те же функции в пределах санджаков или провинций (*Ricaud*, livre I, chap. XII; ср. также livre III, chap. X).

„*Воины и начальники*“ — турецкая конница (*синахи* *سیاهی*) и пехота (*яны-чары* *یانیچری*) и соответствующие воинские командиры (*Ricaud*, livre III, chap. II—IV, VI—VII и X, а также *J. de Hammer*, Histoire de l'Empire Ottoman, t. I, Paris, 1835, pp. 123—127).

„*Начальники стражи и стражники*“. Автор имеет в виду *капуджи-баши* *قاپوچی باشی* и находящихся под их командованием *капуджи* *قاپوچی* (ср. *Ricaud*, livre III, chap. X). Турецкие термины Иоаннес Каменецкий перевел на армянский язык: *ղանձախ* = *капуджи* (стражник) и *ղանձախի նախարար* — *капуджи-баши* (начальник стражи). Капуджи принадлежали к нижнему слою дворцовых чиновников. Они отправляли службу как во дворце, так и вне его и во время походов сопровождали султана в качестве телохранителей.

7. „*Крижаки*“ — по-польски *kryżak*? „крестоносцы“. Мы затрудняемся сказать, кого имеет в виду автор, говоря о крижаках.

8. „*Стрелками*“, или „*лучниками*“, или „*племенем стрелкоз*“ армянские писатели называли татаро-монголов.

9. Под именем „*Олахи*“, „*Улахи*“, или „*Влахи*“ в армянских источниках упоминаются валахи. Историческая Валахия находилась между Карпатами и Дунаем, в южной части современной Румынии, и делилась на две части — Мунтению и Ольтению. Но в армянских, как и иных, источниках под „*страной Олахов*“ подразумевается также и Молдавия. В этом смысле употребляют это имя армянские писатели

XVI века Минас Тохатени и Акон Тохатени, равно как и многие другие авторы. Иоаннес Каменецкий также имеет в виду Молдавию, где находился город Хотин.

10. Река *Нистр*, греч. *Тора*; скифы называли ее *Danastris*, откуда *Dniestr*, *Dniestr*, и по-молдавски *Nistru* (Нистру). Турки и татары эту реку называли *Турла*. Следуя Авксенту Каменецкому, Иоаннес употребляет также и последнее имя — *Турла*.

11. Немцев наш автор называет „аламанами“, что в армянской литературе встречается редко. В армянский язык это слово проникло из турецкого. Иоаннес следует кипчакскому тексту „Хроники“ Авксента Каменецкого. Согласно последнему, упоминаемое 12 000-ное войско состояло из 8000 немцев и 4000 поляков („Каменецкая летопись“, стр. 93).

12. В армянских источниках *Львов* встречается также в формах *Илов*, *Иллов*, *Лов*, *Лев*, *Леополис* и *Лемберг*.

13. Согласно Авксенту, королевич Владислав прибыл в Каменец 13 августа, в понедельник („Каменецкая летопись“, стр. 93). Исчисление — по старому или юлианскому календарю.

14. В турецком войске Авксент насчитывает 250 000 человек („Каменецкая летопись“, стр. 94).

15. Согласно Авксенту, у турок было 250 пушек („Каменецкая летопись“, стр. 94).

16. Нам представляется, что имя „Хан-Герич“ следует исправить и читать Хан-Гирей; последнее, очевидно, имя не собственное, а нарицательное; оно могло прилагаться ко всем ханам Крыма, принадлежавшим династии Гиреев. В этот период крымским ханом был Джанибек II (С. *Лэн-Пуль*, Мусульманские династии, СПб., 1899, стр. 196). Армянский хронист Хачатур Кафеци также сообщает, что в войне 1621 г. наряду с султаном Османом II участвовал „царь магов Джанибек-Гирей“ (В. А. *Акопян*, Малые хроники XIII—XVIII вв., т. I, Ереван, 1951, стр. 210, древнеармянский текст).

17. Каменецкие армяне, число которых некогда доходило до 900 семейств, имели несколько церквей — св. Николая, Богородицы, Благовещения, Григория Просветителя и св. Креста. Церковь Григория Просветителя находилась в южной части города, в армянском квартале, и еще в XIX веке можно было видеть ее руины (см. М. *Бжизский*, Путешествие в Польшу, Венеция, 1830, стр. 154, на арм. яз.). Эта церковь горела и раньше — в 1575 г. была подожжена татарами, а в 1602 г. пострадала во время большого пожара (см. „Каменецкую летопись“, стр. 46 и 63–64). О церкви св. Креста сведений сохранилось немного. Согласно данным Авксента, в 1612 г. эта церковь также была подожжена татарами („Каменецкая летопись“, стр. 72).

18. Как рассказывает Авксент Каменецкий, немилость султана пала на епископа-агаси, который был лишен должности, турецкого пашу, впоследствии обезглавленного, и молдавского воеводу Александра, который попал в темницу и был заключен в кандалы („Каменецкая летопись“, стр. 95).

19. Речь идет о багдадском беклербеке.

20. „Тысячник“ — у Авксента ротмистр *rotmistrz* („Каменецкая летопись“, стр. 96).

21. „Младший полководец“, то есть полевой гетман *hetman polny* (ср. „Каменецкую летопись“, стр. 96).

22. „Большой гетман“, то есть коронный гетман *hetman koronny wielki* (ср. „Каменецкую летопись“, стр. 96).

23. Согласно Авксенту — два „товарища“ *towarzysz* и 11 „лахолеков“ *pascholek* („Каменецкая летопись“, стр. 97).

24. У Авксента — 5000 казаков („Каменецкая летопись“, стр. 98).

25. Константин Велели, сын Баттисты, итальянец, зять князя Молдавии и Валахии Раду Михия. В источниках упоминается с 1611 г. в качестве валахского боярина, впоследствии переходит в Молдавию. В 1633 г. там он был убит во время народного возмущения. В качестве парламентаря Константин Велели был послан турками, поговори от имени Раду. Последний известен своими миролюбивыми настроями. С 1601 г. он с некоторыми перерывами был валахским воеводой, а с 1616 г. — мол-

давским, но в период обострения польско-турецких отношений, видя надвигающуюся опасность войны и не имея возможности противостоять этому, Раду отказался от должности и вновь стал воеводой Валахии (1620). Называя его „господином Воладини“ (Молдавии), Иоаннес Каменецкий намекает на прежнюю должность Раду.

26. Zielinski.

27. Согласно Авксенту, поляки потеряли 7 человек, противник — 2800 („Каменецкая летопись“, стр. 99).

28. *Минтийцы* — валахи. Горная часть Валахии, которая начиналась у Карпат, называлась *Мунтения* („Горная страна“), поэтому в армянских источниках Валахия зовется „страна Мунтана“, „страна Минтана“, или „страна Минтанов“, в то время как под страной олахов или влахов подразумевалась Молдавия (см. прим. 10).

29. *Солаки* *صولاقي* принадлежали к числу телохранителей султана: командовал ими офицер из янычар.

30. „Балтаджи“ *بالطاجي* — секироносцы. Они также составляли личную стражу султана.

31. Согласно Авксенту, у четырех нашей было 3000-ное войско („Каменецкая летопись“, стр. 101).

32. У Авксента „*ротмистр*“ *rotmistrz* („Каменецкая летопись“, стр. 102).

33. Речь идет об убитых янычарах, число которых согласно Авксенту составляло не 4000, а 1400 („Каменецкая летопись“, стр. 103).

34. Согласно Авксенту, число раненых составляло более 1000 человек („Каменецкая летопись“, стр. 103).

35. Имеется в виду полевой гетман.

36. „*Спахы*“ или „*сипахи*“ *سپاهي* означает „всадник“. Турецкий термин употреблен впервые, хотя выше наш автор неоднократно говорил о сипахях, называя их „всадниками“, „конницей“.

37. В турецком государственном аппарате *чауши* *چاوش* играли крупную роль. Они были вестниками, парламентарями и даже послами (см. *Ricaud*, pp. 576–578 *J. de Hammer*, t. I, pp. 97–98).

38. Согласно Авксенту — во вторник („Каменецкая летопись“, стр. 105).

39. „Пыркалаб“, по-молдавски *parcalab*. Так назывались в Молдавии управляющие замками, которые обладали военной и административной властью в пределах данной области. В Хотине пыркалабы существовали до середины XVII века.

40. Согласно Авксенту — 200 000 („Каменецкая летопись“, стр. 108).

41. Пан Лукаш Грицкович был армянским войтом Каменца. Как во Львове, так и в Каменце армянские колонии имели свое судилище, которое возглавлял выборный старшина — *войт*, у Иоаннеса Каменецкого — „судья“. Имелись также подчиненные ему выборные присяжные, „*античкины*“, которые занимались делами колонии и число которых было переменным (*М. Бжизкий*, ук. соч., стр. 86 и 116). Согласно Авксенту, Лукаш Грицкович избирался войтом последовательно в 1613, 1614 и 1615 гг. („Каменецкая летопись“, стр. 74, 76, 77). В 1621 г., в феврале, он вновь был избран войтом (там же, стр. 90).

42. Авксент рассказывает, что когда гетман Сагайдачный возвращался на Украину, он также был приглашен к войту Лукашу Грицковичу („Каменецкая летопись“, стр. 106).

43. Подобные факты, и даже в большем количестве, приводит также Авксент, но далеко не все, что мы находим у Иоаннеса, имеется также и у Авксента. Обращает на себя внимание разница в данных, касающихся цен и мер.

44. Сравнение с данными Авксента показывает, что под названиями „*пара*“, „*монета*“ (*قرش*) и „*стак*“ (*سنتاق*) Иоаннес Каменецкий понимает турецкую монету „*акче*“ (*آقچه*). „*Акче*“ означает „белый“, является переводом новогреческого *λευκός* (белый), откуда армянское „*стак*“ < „*спитак*“, что по-армянски также означает „белый“.

46. Согласно Авксенту, одно яйцо стоило 1 гуруш („Каменецкая летопись“, стр. 107).
47. Согласно Авксенту, один „селедец“ стоял 12 гурушей („Каменецкая летопись“, стр. 107).
48. Это место у Авксента отсутствует, но из других выдержек явствует, что две унции были равны одной „ока“.
49. Согласно Авксенту, одна кварта водки стоила 3 флорина („Каменецкая летопись“, стр. 107).
50. Согласно Авксенту, одна кварта уксуса стоила 20 гурушей („Каменецкая летопись“, стр. 107).
51. Автор явно ошибается—число немецких пеших и конных воинов должно составлять 10 500 человек.
52. Согласно Авксенту, один „олахский“ (молдавский) „капчук“ ячменя стоил 6 красных флоринов („Каменецкая летопись“ стр. 108).
53. Возможно, следует исправить—80 пара. Согласно Авксенту, один „ока“ сухарей стоил 80 пара („Каменецкая летопись“, стр. 108).
54. Согласно Авксенту, один хлеб стоил 60 „акче“ („Каменецкая летопись“, стр. 108).
55. Согласно Авксенту, один „ока“ риса стоил 60 акче („Каменецкая летопись“, стр. 108).
56. Согласно Авксенту, одна курица стоила 80 акче („Каменецкая летопись“, стр. 108).
57. Согласно Авксенту, одно яйцо стоило 8 акче („Каменецкая летопись“, стр. 108).
58. Согласно Авксенту, один „ока“ соли стоил 60 акче („Каменецкая летопись“, стр. 108).

Հ. Ս. ԱՆԱՍՅԱՆ

(U. S. N. S. I. U.)

Իվովի և Պողոսյան Կամկեղի շրջանների հայկական վաղեմի գաղութները մեզ ժառանգություն մնացած զբաղվող հիշատակարանների թվին և պատկանում XVII դարի հնդիկական հանձնես Կամես ցացու թառոմոթին պատերազմին հոթինուս երկր, որ պահպանված է Հայկական ՍՍՏՌ Պետական Մատենադարանի № 2644 ձևագրում (էս 229ա—254ա)։ Դուս օրինակը հնդիկների իքնակարող չի, այլ երա առնվաղն երրորդ ընդօրինակությունը, որը կատարված է աշխղաղ դարի իններեղի Ղ. Պողոսյան, Թառուս, Միհրապատին ձևերով։ Աշխատությունը գրված է զբարար և տալիս է ետտինի 1621 թ. լեհ-թուրքական պատերազմի պատմությունը՝ օրաբարական մանրամասնություններով։ Հնդիկական իր նկարագրած դեկտերին ժամանասակը և մաստար պակաստես է. օգտագործել է նաև գրավոր աղբյուրներ, որոնց թվում Օքսեսու Կամես ինցացու թառնակառությունը, որ ղվիշգակական լեզուների խմբին պատկանող ար բարբառով է գրված, հայերեն տառերով, և մասն է կազմում սիամենիցյան տարեգրության (վերջինս հրատարակված է Ղ. Անդեանի կողմից՝ սիամենից զբրում, Վնեստիկ, 1896, էջ 15—112)։ Հնդհանեսն Կամենիցացու աշխատությունը պատմական կարևոր աղբյուր է հանդիսանում ետտինի 1621 թ. պատերազմի պատմության հետ կապված հարցերի լուսարանման համար, լրացնելով ինհական և այլ աղբյուրները։

Մենք այստեղ հրատարակում ենք Հովհաննես Կամենիցյացու «Պատմություն պատերազմի հոթիներու» երկը ուսանելի թարգմանությամբ (թարգմանիչ՝ Կ. Մ. Յուզբաշյան), անհրաժեշտ ծանոթագրություններով: Հայերեն ընագիրը, ուսումնասիրությամբ և ընդարձակ ծանոթագրություններով, լույս կտեսնի առանձին, Հայկական ՍՍՊ Գրական Մատենադարանի հրատարակությամբ: